

– ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС –

УДК 821.512.157 Харитонов.09

А. А. Бурцев, М. А. Бурцева

Художественное творчество народного писателя Якутии П. Н. Харитонова-Ойуку

СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В активе П. Н. Харитонова несколько поэтических сборников, автобиографическая проза, ряд книг публицистики и литературной критики, но наибольший вклад он внес в жанр романа как автор монументального исторического повествования в четырех томах «Бубенцы над Леной», посвященного «трудам и дням» нескольких поколений «государевых ямщиков», русских крестьян, осевших на якутской земле. Актуальность исследования художественного творчества Ойуку состоит не только в том, что оно не изучено в достаточной степени, но и в самой авторской философии истории, согласно которой необходимо оценивать современную эпоху в контексте прошлого и с учетом перспективы развития.

Автор романа, который родился и провел детство на одном из самых больших и красивейших ленских островов (Тойон Ары) в окружении русских ямщиков, воспроизвел свою родословную и рассказал о молодых годах в повести «На пороге жизни». Что касается романа «Бубенцы над Леной», то его специфика заключается в том, что каждой из четырех частей присущи свои внутрижанровые особенности: первая книга имеет очертания нравоописательного повествования, вторая - соответствует логике воспитательного жанра, третий и четвертый тома построены по историко-хроникальному принципу. В романе Ойуку раскрыт особый национальный менталитет «государевых ямщиков». Долгое время находясь в окружении народа саха, они не только восприняли уклад его жизни, освоили якутский язык, но и со своей стороны оказали влияние на якутов и, в частности, распространили на новой родине земледелие и хлеборобство, а также сумели сохранить национальные традиции и обычаи, предания и обряды, песни и танцы. В статье показано, что в художественном отношении роман «Бубенцы над Леной» относится к лучшим образцам современной якутской литературы.

Ключевые слова: автобиографическая повесть-трилогия, эпистолярный жанр, литературная реминисценция, «государевы ямщики», «трактовая дорога», национальная ментальность, исторические личности.

БУРЦЕВ Анатолий Алексеевич – д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета СВФУ им. М. К. Аммосова.

E-mail: anatoly_burtsev44@mail.ru

BURTSEV Anatoliy Alekseevich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

БУРЦЕВА Марина Анатольевна – к. филол. н., доц. кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ им. М. К. Аммосова.

E-mail: donnarosa36912@mail.ru

BURTSEVA Marina Anatolievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Oriental Languages, Institute of Modern Languages and International Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

A. A. Burtsev, M. A. Burtseva

Artistic work of the Yakutia People's Writer P.N. Kharitonov-Oyuku

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The P. N. Kharitonov's heritage includes several collections of poetry, autobiographical prose, a number of journalistic and critical books; however, the greatest contribution to the genre of the novel he made as the author of a monumental historical work in four volumes "The Bells over the Lena", dedicated to the "works and days" of several generations of "sovereign coachmen", Russian peasants who settled on the Yakut land. The relevance of studying the Oyuku's artistic work lies not only in the fact that it has not been sufficiently studied, but also in the author's philosophy of the history, according to which it is necessary to assess the modern era in the context of the past and taking into account the development prospects.

The author of the novel, who was born and spent his childhood on Toyon Aryy, one of the largest and most beautiful Lena islands, surrounded by Russian coachmen, reproduced his genealogy and told about his young years in the story "On the Threshold of Life". As for the novel "The Bells over the Lena", its specificity lies in the fact that each of the four parts has its own intra-genre characteristics: the first book has the outlines of a moral narrative, the second corresponds to the logic of the educational genre, the third and fourth volumes are built according to the historical and chronicle principle. The Oyuku's novel reveals the special ethnic mentality of "sovereign coachmen". For a long time, being surrounded by the Yakut people, they not only adopted the way of life, mastered the Yakut language, but also influenced the Yakuts and, in particular, spread farming and grain growing in their new homeland, and also managed to preserve their traditions and customs, legends and ceremonies, songs and dances. The article shows that in artistic terms the novel "The Bells over the Lena" is one of the best examples of modern Yakut literature.

Keywords: autobiographical novel-trilogy, epistolary genre, literary reminiscence, "sovereign coachmen", "tract road", national mentality, historical figures.

Введение

Павел Николаевич Харитонов-Ойуку имеет заслуженную репутацию личности широкого творческого диапазона. Историк по образованию, он известен как педагог и поэт, публицист и литературный критик. Почетное звание Народного писателя Якутии присвоено ему в 2019 г. за монументальный исторический роман «Бубенцы над Ленной», который остается недостаточно изученным с литературоведческой точки зрения. Творчеству писателя посвящены лишь рецензии на отдельные произведения, юбилейные статьи и справочные материалы в периодических и энциклопедических изданиях [1]. Целью настоящей статьи является раскрытие мастерства П. Харитонова как прозаика, определение его роли и места в истории якутской литературы.

Автобиографическая трилогия

О своих детских и юношеских годах Ойуку поведал в созданной уже в зрелом возрасте автобиографической повести-трилогии «На пороге жизни» (Олох модьѳото, 2014) [2]. Опираясь на предания и легенды, он воспроизвел свою родословную, которая имела глубокие корни и восходила к незапамятным временам. Дядя Тыгына почтенный Малдыгар имел нескольких жен и пятерых сыновей. Старший из них Кэлтээки Сабыйа обосновался на острове Тойон Арыы. Это был воинственный и суровый властелин,

не щадивший никого. От его преследований предок писателя был вынужден бежать в тайгу. Отсюда произошло его прозвище («Ол иһин ойуурга куоппут Ойуку диэн ааттаммыт») [2, с. 15], ставшее в свою очередь псевдонимом П. Харитонов.

Он не только попытался проследить свою родословную, но и предложил более или менее научную версию возникновения острова Тойон Арыы. В древности на его месте была заросшая густым лесом долина, которую год за годом во время весеннего ледохода заливало водой. Потом в ней возникла влажная ложбина, постепенно превратившаяся в ручей. С течением времени ручей стал широкой протокой, влившейся в основное русло реки. Так образовался большой остров, от которого отделились небольшие островки.

Автор с ностальгией вспоминает маленькую родовую юрту-балаган. Из ее окна открывались живописные виды на берега великой реки: впадающие в нее речки и ручьи, густые леса, скалистые горы, ущелья. Ему почти наяву мнились убеленные сединой старики, каждый день собиравшиеся в их юрте. Выпуская клубы дыма из своих прокуренных трубок, они вели неторопливые разговоры о былых временах.

В этой юрте будущий писатель жил вместе с рано ослепшим отцом по имени Тоттос Николай, матерью Матреной. Два старших брата, Коля и Вася, учились в школе в Булгунньахтахе. Позднее у него появился еще один, младший брат Спартак. Единственная сестра Лиза умерла в младенческом возрасте.

В первой части повести «За окном» автор воссоздал сложную атмосферу 1930-х гг. После ликвидации движения «конфедералистов» во главе с П. В. Ксенофонтовым Западно-Кангаласский улус стал восприниматься едва ли не как «гнездо бандитов», причем пострадали не только сами повстанцы, но и их родственники. Обитатели острова Тойон Арыы тоже испытали на себе предубеждение со стороны властей и невольно оказались в опале. Затем началась война, которая «железной пятой» прошла по их фамилии. В первый же призыв ушли на фронт семь двоюродных братьев Павла, и никто из них не вернулся. Потом настала очередь его старшего брата Нынный Николая, которому единственному удалось вернуться живым. С войной в его сознании ассоциируется образ ледохода.

В хозяйстве у родителей автора была единственная корова. В колхозе работала одна мать, поэтому жили очень бедно, часто голодали. Подобно старой Дарье из романа Амма Аччыгыя «Весенняя пора», слепой отец отвлекал голодных детей от мыслей о еде рассказами о прошлом Тойон Арыы. Он был знатоком не только исторических легенд и преданий о Тыгыне и его потомках, но и библейских историй об Адаме и Еве, всемирном потопе и Ноевом ковчеге. Так будущий писатель благодаря отцу приобщался к родному фольклору и мировой культуре. Причем его неграмотный отец не только считал себя «философом», но и не скрывал своего критического отношения к колхозной системе. Поэтому власти его не жаловали, доставалось и маленькому Павлу, которого сверстники обзывали «троцкистом». Однажды его чуть было не объявили вредителем, разрушителем колхозного имущества.

Вторая часть повести «Уроки жизни» посвящена первым жизненным испытаниям героя. С семи лет отец начал приобщать его к труду. Родители тогда рано отправляли детей на разные работы, чаще всего на сенокос, так как им тогда полагалась продуктивная норма. Но в школу Павла приняли только в восемь лет, и то в подготовительный класс. До этого дома у него было ласкательное прозвище Наакыс, а в школе его стали называть Павликом Харитоновым.

Уже с первого класса он увлекся литературой. Сначала читал произведения якутских писателей: «Маленьким друзьям» Г. Вешникова-Баал Хабырыыса, «Собрание букв» П. Тобурокова, «Забавные дни» Т. Сметанина. Потом ему понравились стихотворения А. Пушкина «Зимний вечер», П. Ойунского «Прощай». Однажды, будучи у родственников в Покровске, обратил внимание на человека могучего телосложения, говорившего густым басом. Позднее он узнал, что это был репрессированный писатель Н. Павлов-Тыасыт.

Тогда же отец рассказывал ему об образованном сыне улусного головы Ксенофонтова, адвокате по профессии, который записывал фольклорные песни и сказки, народные предания, легенды о прародителе якутов Эллэе, властелине кангаласского рода Тыгыне. Тоттос Николай держал в памяти множество историй о знаменитых шаманах, олонхосутах, силачах, знал народные песни. Не обладая хорошим голосом, часто пел, особенно любил сочиненную А. Софроновым “Якутскую песню”, которая считалась гимном “белых” повстанцев и одно время находилась под запретом. У Павлика тогда обнаружился дар художника, и он начал рисовать, чаще всего копировал портрет А. Пушкина.

Школьные будни разнообразили олимпиады, фестивали, конкурсы, встречи с ветеранами гражданской войны, в которых Павел принимал активное участие. Во время районного смотра художественной самодеятельности в селе Улахан Аан впервые увидел С. Кулачикова-Элляя, Л. Попова, С. Ефремова, из рук которого получил почетную грамоту и книгу “Сказки Пушкина” за исполнение песни “Родина”. С этого времени Павел стал часто петь и читать стихи со сцены в школе и клубе. Репертуаром ему служили изданные Суорун Омоллоном якутские сказки, стихи и песни Кюннюк Урастырова, Баал Хабырыыса, И. Винокурова-Чабылзана.

Еще одним увлечением Павла Харитонова в школьные годы стал туризм. Он был постоянным членом школьного кружка и участником туристических походов и конкурсов. Команде Булгуннахтахской школы удалось занять II место в республиканском конкурсе и в качестве награды получить путевки по маршруту Улан Удэ – Байкал. В следующий раз команда заняла I место и завоевала право на поездку в Москву и Ульяновск.

В Покровске тогда работал учителем И. Гоголев, который тоже принимал участие в туристических походах. Во время слета туристов в Якутске он организовал встречу с известными писателями И. Федосеевым-Доосо, Н. Босиковым и ленинградским поэтом Н. Малышевым. Павел с пятого класса занимался в литературном кружке, сам тоже начал пробовать перо. В 1959 г. удостоился звания лауреата II тура фестиваля молодежи Якутии, прочитав собственные стихи. Другой учитель С. Ефремов показал его стихотворения «Первый снег», «В родном аласе», «Летняя ночь» известному поэту Баал Хабырыысу, который признал их заурядными, ученическими и дал ряд ценных советов. Для самого Павла образцом настоящей поэзии стала песня З. Винокурова «Чайки» («Хоптолор») на слова Л. Попова.

Третья часть повести «На переднем плане» имеет форму дневника, заведенного автором в 10 классе [2, с. 160]. Если в двух первых частях автобиографический герой раскрывается исключительно через свои действия и поступки, взаимоотношения с окружающими людьми и восприятие природы, то в последней части трилогии передаются его мысли и чувства. Не случайно дневник снабжен названием «Зарубки памяти» [2, с. 173]. Соответственно в первых частях крупным планом возникают красочные картины и образы родной природы, в частности, благодатного острова. На их фоне появляются незабвенные лики его родителей: доброй, гостеприимной матери и умудренного отца, которому слепота только придавала глубину «внутреннего» зрения.

Средством характеристики самого Павла, начиная с сознательного возраста, стал круг его чтения. Уже в четвертом классе он читал такие серьезные вещи, как романы Н. Мординова “Весенняя пора” и Н. Якутского “Судьба”. Старого дядю он сравнивал с Тарасом Бульбой, своему отцу вслух читал рассказ Л. Толстого “Кавказский пленник”. Так как он был воспитан в духе времени на примере Павлика Морозова и героя рассказа Суорун Омоллона Чечески, ему не понравилось, что родители косили траву для своей единственной коровы на колхозной земле [2, с. 95].

Эпистолярная форма, использованная в третьей части повести, позволяет автору раскрыть свой внутренний мир, выразить сокровенные помыслы и желания. Так, он

всерьез размышлял о любви и в то же время очень стеснялся девушек. Иногда его посещали по тем временам крамольные мысли: «Почему комсомол и партия косо смотрят на людей с иными взглядами. Видимо, они хотят, чтобы мы стали образованными, преданными родине, но в то же время с одинаковыми взглядами» [2, с. 231-232]. Это порождало в свою очередь чувство одиночества и отчуждения.

Самоанализ и рефлексия порой выражались им посредством внешних аналогий. Вот, к примеру, дневниковая запись, сделанная в октябре, во время осенней непогоды: «Вот так же, как эта шуга, текут мои мысли» [2, с. 179]. Или другое уподобление собственного «потока сознания» с пламенем: «Огонь в камельке разгорается, трещит, и от этого моя мысль устремляется в полет. Как только сажусь у огня, предаюсь мечтам, фантазиям, они начинают гореть во мне, как пламя» [2, с. 217-218].

При этом в силе остается прием литературной реминисценции как принцип психологизма. Одним из жизненных постулатов для автора служили известные чеховские слова: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Ему снились сказочные сны, которые манили к прекрасному будущему, к горным вершинам. В то же время он ощущал в себе раздвоенность сознания. С одной стороны, его любимым героем был горьковский Данко, и он имел право обижаться, когда друзья сравнивали его с Беликовым [2, с. 174]. Но, с другой стороны, в нем что-то было от лермонтовского Печорина, поэтому он даже завидует Робинзону Крузо, энергичному и деловитому герою Д. Дефо: «Я хочу жить и трудиться, как он» [2, с. 232]. Надо сказать, это желание автора сбылось. После окончания школы вместе с одноклассниками он работал в колхозе.

Сквозной в творчестве П. Харитонова, в том числе в поэзии, явилась историческая тема, имеющая отношение как к отдаленному прошлому («Хоруол Тумус», «Далан и Ыгык Хайа»), так и к более поздней эпохе революции и гражданской войны. В его стихотворениях упоминаются реальные исторические лица: либеральный общественный деятель и писатель В. Никифоров-Кюлюмнюр, участники движения «конфедералистов» С. Михайлов и М. Артемьев. Настоящий реквием создан по клану Ксенофонтовых, которому был уготован трагический удел («Кууданыга», «Звезда Чолбон», «Реквием»). Особым уважением окружены имена Алампа (А. Софронова), Акулы (А. Кулаковского). Отдельные стихотворения посвящены современникам автора: ученому Н. Соломонову, поэтам Таллан Бюрэ, С. Тумату, С. Руфову, Н. Винокурову-Урсуну и другим деятелям национальной культуры.

В поэзии Ойуку получили воплощение его мысли о творчестве, о родном языке. По его выражению, настоящая поэзия носит «выстраданный» характер и проистекает из «глубины сердца»:

Что касается языка, то уже в юности он задумывался о его значении. Во всяком случае в школьном дневнике зафиксированы следующие строки: «Судьба языка и человека одинакова. Каков человек- таков и его язык» [2, с. 190]. И в зрелые годы он не раз признавался в любви к родному языку в своих стихотворениях («Родной язык», «Заветное слово»). Наряду с языком, непреходящей ценностью поэт считает фольклор, народные легенды и сказания. Богатыри олонхо, спустившиеся на землю с Верхнего мира на «крылатых конях», как и в стихотворении И. Гоголева, напоминают ему каменных истуканов, застывших в восхищении при виде могучей реки на берегах красавицы Лены («Легенды о боотурах»).

Исповедальным пафосом, остротой размышлений над судьбами страны и своего поколения отличается поэзия Н. Харитонова эпохи перестройки. Он выступает против бездумного отрицания прошлого, тотального разрушения вековых устоев и традиций.

Сам же поэт предлагает взвешенно относиться к истории, оценивать современность в контексте прошлого и с учетом перспективы развития. Он честно признается, что его поколение, как оказалось, верило «в неверные идеи» и «поклонялось ложным кумирам»

[3, с. 105]. В то же время он не склонен к покаянию и, напротив, гордится собственной «прямой дорогой» в жизни.

Жанр и композиция романа «Бубенцы над Леной»

Богатый жизненный опыт и незаурядное знание истории нашли отражение в главном произведении Н. Харитоновой – романе в четырех частях “Бубенцы над Леной” (“Хоболоох суол”)¹ [4], над которым писатель работал около двадцати лет.

Прежде всего необходимо отметить, что произведение, изображающее жизнь “во всей ее многогранности” и, более того, раскрывающее судьбу целого народа в переломный исторический период, имеет все признаки романа-эпопеи. В то же время каждую из четырех книг отличают свои внутрижанровые особенности. Первая из них – “Одинокая сосна” – имеет очертания нравоописательного (этологического), семейно-бытового повествования, так как в ней изображаются “труды и дни” нескольких кланов “государевых ямщиков”, русских крестьян, осевших на якутской земле. Сюжетно-композиционная структура второй книги – “Отец и сын”, в которой изображается рост сознания одного из главных героев всего цикла, Афанасия Наумова, соответствует логике воспитательного романа. Две последние части построены по принципу историко-хроникального жанра: в третьей книге – “Желанная пора” – основные события происходят в своеобразном “микрокосме”, Хангаласском улусе и Ленских островах, а в четвертой книге – “Противостояние” – ареной действия становится “макрокосм”, вся Якутия, Сибирь и центральная Россия, а участниками – целый ряд реальных исторических личностей. Эти два мира соединяет “трактовая дорога” (“хоболоох суол”).

Хотя непосредственное действие романа охватывает события со второй половины 19 до середины 20 века, его общий исторический контекст составляет несколько столетий. Первое время почтовую службу согласно царскому указу вынуждены были нести ямщики-якуты. Для них это было тяжким бременем, так как они занимались скотоводством и вели оседлый образ жизни на таяжских аласах и речных островах. Когда якуты стали роптать и жаловаться, наступил черед “государевых ямщиков”, русских крестьян, которых власти переселяли в Ленский край из северных и центральных губерний России. Якуты называли их “бясеччиками”, то есть “посельщиками”, а позднее, когда они начали заниматься земледелием – «пашенными».

В начале первой книги романа рассказывается о том, как русский землемер Петр Корнилов в сопровождении якута Анисима и двух казаков, братьев Вологдиных, в труднейших условиях прокладывал почтовый тракт, связывавший Якутск с губернской столицей Иркутском. Экспедиция завершилась только на исходе второго года. По пути к ним присоединилась девушка-тунгуска Даппарай, которая стала женой Петра. У них родились два сына, Корнил и Илья. Сам Петр в течение десяти лет колесил по тайге, вдоль и поперек объездил берега Витима и открыл месторождения с богатыми запасами золота. Об этом он доложил в Петербург, но воспользоваться плодами своих усилий не успел. Дальние поездки сильно подорвали здоровье, окончательно его скрутила чахотка. Перед кончиной Корнилов составил завещание, по которому все добро и имущество было разделено на три равные доли: жене и двум сыновьям. Старший сын Корнил обзавелся семьей и обосновался в Покровске, Даппарай с Ильей поселились в Олекминске.

В первых книгах крупным планом изображены несколько семей потомственных ямщиков, старожилов самой первой Бестяхской станции. Его основали десять мужиков, прибывших в Якутию вместе с женами из Екатеринославской губернии. Среди них были предки прежнего старосты яма Гавришки Юрьева, которого из-за рыжей бороды за глаза называли Кысыл Бытыком. Его сменил на этой должности Алексейка Наумов, мужик основательный и строгий, к тому же слегка владевший грамотой. Титу, его деду, сыну

¹ В критике и широком читательском обиходе встречаются и другие переводы названия романа на русский язык – “Ямщики на Лене”, “Трактовая дорога”, – но все же наиболее удачным представляется именно этот вариант.

крепостного крестьянина, вместо рекрутства было указано отбывать пожизненную службу в качестве “государева ямщика”. Его младший сын, тоже Тит, занимаясь ямским извозом, познакомился с городскими и по их совету решил дать своему единственному сыну образование. Жизнь Алексейки сложилась иначе, чем у других пашенных. После смерти отца он дважды съездил в Витим на золотые прииски и попытался заняться торговлей. Но купец из него вышел неважнецкий, лавка его прогорела. Зато как семьянин он преуспел, став отцом четырех сыновей и дочери. Из всех детей он возлагал большие надежды на старшего сына Афанасия-Охоноса, который поступил в Якутское реальное училище.

У Иннокентия Козлова, или Кели, как его называла жена Марья, тоже было пятеро детей. В отличие от зажиточного Алексейки, он был бедным хозяином и почту гонял на единственном коне. Обладателем пары лошадей Иннокентий стал по воле случая, когда он спас от смерти тонущего в реке мальчика, и благодарный отец, якут по прозвищу Чылыгыраскы, подарил ему молодого чубарого жеребца. Несмотря на бедность, у него тоже возникало желание обучить кого-то из детей, и когда староста Алексей Титыч открыл на станции школу, отправил туда младшего сына Ваньку. Старший сын Николка, в отличие от бойкого брата, был тихим и скрытным, он больше всего любил молиться и говеть. Но школа в Бестяхе вскоре закрылась, так как учитель Виноградов беспробудно запил, а потом и вовсе пропал. К счастью, через год открылась школа в Булгунняхтахе, и Ванька Козлов продолжил учебу.

Непростая, но очень интересная судьба выпала на долю семейства Вологдиных. Предком братьев Михаила и Федора был русский крестьянин Михайло Федоров, прибывший на якутскую землю еще в 17 веке с отрядом атамана Петра Бекетова. Так как он был выходцем из Вологды, постепенно его фамилия трансформировалась в Вологодина. Согласно преданию, его сын Федор, дед братьев, как-то поехал по приказу якутского воеводы с пушным обозом в Петербург, там он предстал перед государем Петром I и поведал ему о богатстве и суровом климате северного края.

Михаил, старший из братьев, согласно долгу «быть государевым воином», верой и правдой служил отечеству пятнадцать лет и только иногда мысленно беседовал с самим собой: «Эх-ма, господин-начальник, откуда ему знать, что за тоска гложет мою душу... Да ни к чему ему знать это... Служба есть служба! Покуда есть государь-император, живому казаку от службы не отвертеться...». Как-то он увидел на берегу реки, у опушки леса одинокий чахлый кедр и, поглаживая его тонкий ствол, продолжил свой внутренний монолог: «Каким шалым ветром, откуда занесло тебя сюда, заморыша? Сиротинушка горемычный. Скрутила тебя доля – судьбина, как и меня... Одолела тоска по родной сторонке, потому ты так слаб и неказист. И залетел ты сюда случайно, не по своей воле, с бурей или весенним паводком... Иссушила тебя кручина...» [2, с. 22]. Так думал казак с грустью, ласково оглаживая шершавыми мозолистыми руками ствол кедр, считая его чем-то сродни себе.

Там, в немыслимой дали, в родной Вологде остались у него жена и сын. После участия в экспедиции Корнилова ему за «особое усердие и добросовестную службу» предоставили отпуск, чтобы он съездил проведать семью. Из занесенного снегом Якутска до родной Вологды Михаил добрался уже весной и застал запущенное хозяйство, сильно сдавшую жену и пятнадцатилетнего сына. Воспрянувшая было духом от встречи с мужем Устинья скоро опять ослабела, прохворала все лето и скончалась. Михаил вместе с пятнадцатилетним сыном Иванкой и неожиданно заехавшим на побывку братом Федором вернулись в Якутию и решили пустить корни в Олекминске. Михаил заметил здесь укромное местечко с плодородной землей, окруженное лесом. Сам он так и не женился после смерти Устиньи, и только на склоне лет, оставив службу, переехал в Покровск к своей знакомой вдовушке.

Иван, продолжая семейные традиции, тоже стал справным казаком, потом эстафету принял его сын Василий. В первую книгу романа включены вставные новеллы об истории женитьбы отца и сына. Однажды Ивана Вологодина, новоиспеченного казака, назначили сопровождать Якутского архиерея, направлявшегося в Вилюйск для инспектирования улусных церквей. Благодаря расторопному и прилежному казаку Преосвященный благополучно добрался до места. В городе Вилюйске архиерей вместе с многочисленной свитой остановился в доме священника Якушкова. У него проживала хорошенькая племянница матушки, и Иван с первого взгляда влюбился в пухленькую Парашу. Заметив это, архиерей лично сосватал ее за понравившегося ему казака. Вернувшись в Олекминск, Иван обратился к отцу с неожиданным решением сыграть свадьбу и затем перевез к себе сироту Парашу с ее скромным приданым. У них долго не было детей, поэтому им даже пришлось усыновить сынка многодетной вдовой казачки. После этого у них самих друг за другом родились три мальчика.

Старший из них Василий тоже был на хорошем счету у начальства и не раз выполнял ответственные задания. В очередной раз, побывав по служебным делам в Якутске, он решил навестить деда. В Покровске шла осенняя ярмарка, собралось множество народа, развернулась оживленная торговля. Вечером начался осухай, во время которого Василий приметил девушку, на которую сразу положил глаз. На другой вечер ему удалось познакомиться с ней и, несмотря на козни местных парней, добиться ее согласия дожидаться сватов. Анютка оказалась дочерью бывшего землемера, а ныне богатого купца Корнила Петровича Корнилова, который запросил за нее выкуп в пятьсот целковых. Василию пришлось по совету своего начальника подхорунжего Севостьянова отправиться на золотые прииски. В течение года он заработал нужную сумму и, не мешкая, вместе с Севостьяновым в роли сводни снова поехал в Покровск. На этот раз сватовство удалось, договорились обвенчать молодых на масленицу, а свадьбу сыграть на родине жениха в Олекминске.

Так размеренно, год за годом, поколение за поколением, как воды Великой реки, текла жизнь государевых ямщиков. О новостях из центральной России они узнавали от ссыльных и собственных детей-студентов. Их интересовали события, которые непосредственно касались собственной жизни и благополучия. Во время русско-японской войны на порядок возросла нагрузка. Увеличилось количество людей, которых надо было перевозить, зато наполовину урезали зарплату. Начались трения между самими ямщиками, люди вымещали недовольство друг на друге. Другим камнем преткновения, порождавшим споры с местными жителями, был вопрос о земле. Когда образовывались новые семьи русских ямщиков или возникала необходимость обеспечить землей служителей новых церквей, власти чаще всего отрезали наделы у якутской бедноты.

Особенности национальной ментальности ямщиков.

Впрочем, взаимоотношения пашенных с простыми якутами изначально носили добрососедский характер. Первые русские крестьяне-ямщики и их потомки, волей судеб оказавшиеся в суровом северном крае, во многом выжили благодаря коренному населению, быстро восприняли уклад его жизни, освоили якутский язык. Один из героев романа, старый ямщик, прямо говорит об этом. Более того, даже в их внешнем облике ощущались некие черты “якутскости”. Так подумал директор Якутского реального училища Зверев, когда перед ним предстал студент Афанасий Наумов [1, с. 180].

Русские крестьяне, прибывшие в северный край, восприняли традиции и суеверия местного населения, в частности почтительное отношение и поклонение силам природы. К примеру, казак Михаил Вологдин внушал своему сыну Иванке мысль о том, что перед дальней дорогой необходимо “улестить Великую реку и просить о милости” [1, с. 50]. Со своей стороны государевы ямщики оказали влияние на уклад жизни местных жителей и, в частности, распространили на новой родине землепашество и хлеборобство.

Долгое время находясь в окружении народа саха, они, хотя и объякутились, сумели сохранить национальные традиции и обычаи, предания и обряды, песни и танцы. Во время застолья по случаю приезда на родину Михаила Вологодина после пятнадцати лет службы в далекой Якутии его родные и соседи много пели. Но, как водится у русских, радость тесно переплеталась с грустью: их задушевные песни лились вольно, то взмывая в восторге вывысь, то переходя в печальный стон:

Не тебе ли всё, моя полынь, располынушка моя,
Ай да полынь горькая во поле трава,
Не тебе ли всё, моя сударыня-рассударыня,
Печаль, горюшко, тоску-скуку приняла-а-а! [1, с. 45].

Такой же характер носили песни ленских ямщиков, слова которых передавались из поколения в поколение, а мотивы в основном были грустными, воспевающими одиночество и тяжелую долю пашенного крестьянства:

Уж ты пчела, моя пчелочка,
Пчела по полю полетывала.
На мать сыру землю припадывала,
Припадывала, приговаривала.
У ворот стоит батюшка родной,
Он зовет секрет меня домой... [1, с. 82].

Не случайно рефреном через весь роман проходит мелодичный звон бубенцов ямщицких лошадей, да глуховатое брэнчанье кандалов на ногах ссыльных. Но иногда, пользуясь случаем, ямские жители безудержно пели и плясали, давая себе встряску от угнетавшей их горькой жизни. Что-то исконно русское выигрывало в душах и будоражило кровь, заставляя их петь и танцевать. Такой случай, например, подвернулся на свадьбе Василия Вологодина и Анютки Корниловой в Олекминске, когда в хороводе кружились “и угловатые в движениях мужчины, и выступающие павами женщины”, когда всеобщее веселье охватило и стариков и молодых [1, с. 189].

Именно на свадьбах и народных празднествах, таких, как масленица, различных обрядах, игрищах, забавах, зажигательных плясках, веселых частушках раскрывалась вся удаль, сила духа и широта природы русского народа:

*В хороводе были мы,
Что нам надо - видели,
Что нам надо - видели -
Сокола молодчика,
Соколицу девицу!* [1, с. 189].

В романе подробно описываются тяжелый труд ямщиков, вынужденных и в летний зной, и в зимнюю стужу, и днем, и ночью выполнять свою нелегкую службу за мизерную зарплату; их хозяйственные, бытовые заботы, сезонные работы – сев, заготовка дров, сенокос, уборка урожая. Они настолько примирились со своей судьбой, что не хотели никаких перемен. Им казалось, что везде на этой земле, куда ни попади, есть река, небо и трактовая дорога.

Автор романа, который родился и провел детство на одном из самых больших и красивейших островов матушки Лены (Тойон Арыы) в окружении русских ямщиков, склонен придерживаться мысли о их особом “островном” менталитете. На специфику национального характера пашенных обратил внимание ссыльный революционер М. С. Урицкий, будучи избранным волостным писарем попытавшийся разделить землю по количеству душ [2, с. 129].

Характерология романа «Бубенцы над Леной»

Афанасий, сын Алексейки Наумова, не был привязан к отцу детской любовью и чем старше становился, тем больше “ощущал себя как отдельный остров” [2, с. 31]. За время

учебы в городе он исподволь отдалился от него. Отец видел, что сын живет какой-то своей, непонятной ему жизнью. В училище учились в основном дети богачей, и первое время Охоноса обзывали “пашенным”. Но вскоре его взяли под свое крыло сын головы Западно-Хангаласского улуса Гаврил Ксенофонтов и сын купца Иван Никитин. Сам он в свободное время стал много читать и незаметно заболел чтением. Начав с Майн Рида и “Тысячи и одной ночи”, постепенно дошел до Гоголя, Тургенева, Толстого. На третьем курсе начал участвовать в политических дискуссиях, которые устраивали ссыльные И. Будилович и А. Чайкин. Симпатии Охоноса были на стороне социал-демократов, его кумиром стал Константин Неустроев-Урсик. Как и его друг Иван, он видел счастье в борьбе за равенство и свободу. Они выпускали рукописный журнал, даже раздобыли шрифты, которыми печатали листовки. Но их разоблачили, и дело кончилось тем, что Охонос был отчислен с последнего курса училища, правда, с правом сдачи экстерном выпускные экзамены. Он вернулся в Бестях и начал работать учителем, но против него ополчились недруги во главе с отцом Михаилом. После смерти матери Охонос уехал сначала на Дальний Восток, потом в центральную Россию. Там он прошел целую школу революционной борьбы, сблизился с большевиками, познакомился с Калининым, слушал выступления Ленина, стал участником первой мировой войны, женился на своей единомышленнице Анне Чайкиной.

После революции он вернулся в Якутию, участвовал в гражданской войне. В отличие от других деятелей, в частности конфедералистов, Афанасий не искал “третий путь”, придерживался линии Советской власти, но это не помогло ему избежать репрессий. В финале романа он подвел нелицеприятный итог своей жизни: «Руководители революции уступили власть бюрократам. В результате установился культ личности» [4, с. 444]. Прототипом героя был известный политический и государственный деятель Афанасий Алексеевич Назаров (Наумов, 1887-1939). В 1920-е гг. он работал наркомом земледелия ЯАССР, затем директором Совпартшколы, руководителем Архивного управления.

В романе П. Харитонов-Ойуку, особенно в последних двух книгах, появляется много реальных исторических личностей. В них на фоне известных событий борьбы за установление Советской власти и гражданской войны в Якутии, крупным планом изображены трагические судьбы представителей клана Ксенофонтовых, а также В. В. Никифорова и С. П. Барашкова. Заслугой автора явилось не только активное использование документальных источников и архивных материалов, но и попытка воспроизведения внутреннего мира и личностных качеств героев.

Глубоко раскрыты переживания Василия Ксенофонтова за своих детей. Жене Кэтириис он говорил: “Наши дети, когда вырастут, не только сами станут образованными людьми, но и будут помогать родному народу» [3, с. 20]. Особые надежды он возлагал на второго сына Павла, не по годам развитого, обладавшего несомненными лидерскими качествами, хотя опасался его “жесткого характера”. Жизнь показала, что его опасения имели основания. Свою невесту Аришу Дуглас Павел прямо предупредил, что главным делом своей жизни он считает борьбу за свободу родного народа. В то же время среди конфедералистов он был сторонником “мягкой силы”.

Гаврил Ксенофонтов, в отличие от брата, отошел от политической борьбы, чтобы посвятить себя науке. Его безутешное горе после скоростижной кончины любимой жены Натальи писатель передал посредством поэтической реминисценции – стихотворения Ф. Шиллера “Жалоба цереры” в переводе В. Жуковского, – которое постоянно было у него на устах:

*Все цветет, лишь мой единый
Не взойдет прекрасный цвет.
Прозерпины, Прозерпины
На земле моей уж нет!* [4, с. 325].

В. В. Никифорова (1866-1928) за его блестящие знания, кипучую энергию и особый дар “загораться” в работе друзья называли “Күлүмнүүр” (“Воспламеняющийся”). По своим взглядам он был, подобно А. Кулаковскому, сторонником эволюционного развития, то есть, не отклоняясь ни влево, ни вправо, придерживаться “среднего пути”. В этом его поддерживал и В. Ксенофонт, по мнению которого такой подход соответствовал менталитету саха. Его образ в романе создан посредством ассоциации с могучей лиственницей.

Семен Петрович Барашков (1876-1921) был человеком, которого принято называть “self-made man”, то есть преуспевшим в жизни благодаря собственной энергии и харизме. Предприниматель, купец, меценат, он создал на своей родине передовое по тем временам фермерское хозяйство с электричеством и паровой мельницей. Там же, в Качикатцах, он открыл школу, построил больницу.

Барашков решил не бежать за границу, как многие якутские купцы и интеллигенты. Он был готов сотрудничать с Советской властью, даже предложил несколько новых проектов, но был раскулачен и так же, как А. Наумов и В. Никифоров, попал под жернова репрессий. Его трагедию усугубляло то, что он был предан своими воспитанниками, которых обучал и поддерживал, в том числе приемным сыном.

В романе “Бубенцы над Леной” среди исторических личностей появляются первые якутские писатели. Кроме В. Никифорова, это А. Кулаковский, П. Ойунский, А. Софронов. Идеи автора “Сна шамана” о “правильном” пути разделяют многие герои, в том числе С. Барашков. Кулаковский одно время работал в открытой им школе в Качикатцах. Там же он написал свое послание “Якутской интеллигенции”, и вполне возможно, что предложенные им меры по природопользованию, земледелию, скотоводству, повышению благосостояния населения, развитию образования были во многом основаны на реальном опыте деятельности Барашкова.

П. Ойунский выступает в романе не только как политический и государственный деятель, но и как поэт. Как справедливо считает автор, Ойунский был недоволен своей ранней ангажированной поэзией, написанной на злобу дня, что приводило его к мучительным раздумьям. Ему хотелось создать новые, более глубокие, масштабные произведения. Одним из таких произведений стала драматическая поэма “Красный шаман”. А как политик он дает однозначную оценку времени: “Открыто выражать свое мнение, говорить правду отныне стало невозможным. Призывы к свободе, борьба за правду превратились в пустые слова» [4, с. 347].

Что касается А. Софронова, то он на юбилее В. Н. Ксенофонтова прочитал свое новое стихотворение, посвященное культурно-просветительному обществу, которым сам руководил («Саха ому»). А его «Песнь якута» («Саха ырыата») несколько раз звучит на протяжении романа. Сначала ее поет Семен Михайлов, чтобы вдохновить бойцов своего повстанческого отряда. В другой раз ее исполняет Софья, вдова Семена Барашкова, присоединившаяся к повстанцам. Наконец, ее хором громогласно поют приговоренные к расстрелу руководители конфедералистов. “Песнь якута” считалась гимном “белых” повстанцев и сыграла роковую роль в судьбе А. Софронова.

Черты поэтики романа «Бубенцы над Леной»

В художественном отношении высокой оценки заслуживают две первые книги романа. В них использован широкий арсенал изобразительных средств, начиная с таких традиционных приемов, как портрет, пейзаж, художественная деталь.

Примером мастерства портретистики писателя может служить образ Анютки, невесты казака Василия Вологодина. У ней были «черные, словно спелая смородина, глаза», длинные косы, которые «не касаясь гибкой талии, падали на бедра, едва не доходя до земли». В танце она «выступала, как белый стерх, и, казалось, излучала особый яркий свет и выглядела единственной цветущей саранкой в этом кругу танцующих людей» [1, с. 155].

Другим примером портретного искусства автора явился колоритный облик олонхосута Харджита с “дивным голосом и языком песнопения” [1, с. 185].

Посредством пейзажных картин и фитообразов мастерски раскрыта сложная идейная эволюция Афанасия Наумова. В начале второй книги, озаглавленной “Отец и сын”, изображено настоящее “бабье лето”, последний расцвет увядающей природы [2, с. 3]. В конце же четвертой книги возникает совершенно иная картина: “Поздние осенние цветы трепетали на холодном ветру, не цвели, как в разгар лета, и это напомнило Афанасию «годы бури и пуль», друзей, которых он потерял... В Покров день земля покрылась белым одеялом. С севера повеяло холодным дыханием зимы» [4, с. 444].

Что касается художественной детали, то наиболее показательным представляется функционирование в романе звуковой детали. Когда Афанасий Наумов был мобилизован на фронт, в ночь перед его отправкой жена Анна никак не могла уснуть: в унисон с непрерывным стуком настенных часов билось «ее напряженное до предела сердце» [3, с. 212-213]. В другом эпизоде старый Василий Ксенофонтов после гибели от рук чекистов младшего сына Ильи случайно увидел в газете среди расстрелянных имя Семена Барашкова и решил уехать из Якутска. Вместе с женой Кэтириис они молча сидели, и только настенные часы, казалось, вели отсчет их тревожных мыслей.

Еще одним часто используемым в романе приемом является образная анималистика, придающая изображаемым предметам или явлениям большую выразительность. Например, лодка, на которой плыли землемер Корнилов и его команда, то “ползла против течения, как упрямый бык”, то “щукой извивалась между льдинами” [2, с. 8, 33]. Сам Корнилов, промокший до нитки, был “точно суслик, вылезший из затопленной норы” [2, с. 37]. Анималистика или ее своеобразная разновидность, “птичья образность”, выполняла также характерологическую функцию: иеромонах Алексей Оконешников «в ниспадающей до пола рясе уставился на Келю выпуклыми, как у сытого глухаря глазами...» [1, с. 124]; старик Миккя, “дремавший, будто старый ворон”, “расширил круглые, как у совы глаза” и, ударив по трем струнам, рассыпал по дому удивительно чистые и звонкие звуки [2, с. 88].

В активе писателя и менее традиционные средства выразительности, такие, как ассоциация судьбы Михаила Вологодина с “одиноким чахлым кедром”, сравнение старого Василия Ксенофонтова с могучей лиственницей, в которую ударила молния, или прием характеристики Афанасия Наумова через круг его чтения (литературная реминисценция), или наконец, поэтика сновидений.

Кроме того, автор использовал традиционные для крестьян-ямщиков формулы приветствия и обращения: *доровати, паря(лар), бөчүөнэк, ныка, лешай(дар)* и другие.

Заключение

Наряду с поэзией, автобиографической и эпической прозой, творческое наследие П. Н. Харитонов-Ойуку включает публицистику и литературную критику, в частности книги о М. Е. Николаеве и Е. С. Сивцеве-Таллан Бүрэ. Он также известен как детский писатель. Но его самым значительным достижением явился монументальный исторический роман «Бубенцы над Леной», который содержит новаторскую философию истории, заключающуюся в необходимости оценивать современную эпоху в контексте прошлого и с учетом перспективы развития.

Л и т е р а т у р а

1. Бурцев Д. Т. Сонун, үчүгэй роман // Чолбон. – 2001. – 2001. – № 1; Новая Россия: мир литературы. Т.2. – М.: Вагриус, 2003; Алексеев Е. Е. Далантан саҕаламмыт литература // Чолбон. – 2008. – № 1; Урсун. 70 лет со дня рождения П. Н. Харитонов – Ойуку // Якутия – 2011: календарь знаменательных и памятных дат. – Якутск, 2011; Васильева Д. Е. Айар дьобурун кэхтибэтин // Чолбон. – 2016. – №6; Павел Николаевич Харитонов-Ойуку: библиографической ыйыннык / А. Наумова, М. Семенова. – Покровской, 2016; Энциклопедический словарь Якутии. – Новосибирск: Наука, 2018.

2. Харитонов П. Н.-Ойуку. Олох модьобото: трилогия сэнэн. – Дьокуускай: Бичик, 2014. – 288 с.
3. Харитонов П. Н. Соргу көтөбүттэ: Хоһооннор. – Дьокуускай: Бичик, 2019. – 128 с.
4. Харитонов П. Хоболоох суол. Роман. 1 чааһа. – Дьокуускай: Бичик, 1999. – 256 с.; Хоболоох суол. Роман. 2-с кинигэ: Аҕа уонна уол. – Дьокуускай: Бичик, 2001. – 256 с.; Хоболоох суол. Роман. 3-с кинигэ: Кэтэһиилээх кэм. - Дьокуускай: Бичик, 2006. – 320 с.; Хоболоох суол. Роман. 4-с кинигэ: Туруулаһыы. - Дьокуускай: Бичик, 2011. – 448 с. В дальнейшем ссылки на эти издания приводятся в тексте с указанием в скобках тома – римскими, страницы – арабскими цифрами.

References

1. Burcev D. T. Sonun, uchugjej roman // Cholbon. – 2001. – № 1; Novaja Rossija: mir literatury. T. 2. – M.: Vargius, 2003; Alekseev E. E. Dalantan sa5alammyt literatura // Cholbon. – 2008. – № 1; Ursun. 70 let so dnja rozhdenija P. N. Haritonova-Ojuku // Jakutija – 2011: kalendar' znamenatel'nyh i pamjatnyh dat. – Jakutsk, 2011; Vasil'eva D. E. Ajar d'o5urun kjehtibjetin // Cholbon. – 2016. – № 6; Pavel Nikolaevich Haritonov-Ojuku: bibliograficheskaj yjynn'yk / A. Naumova, M. Semenova. – Pokrovskaj, 2016; Jenciklopedicheskij slovar' Jakutii. – Novosibirsk: Nauka, 2018.
2. Haritonov P. N. – Ojuku. Oloh mod'o5oto: trilogija sje'jen. – D'okuuskaj: Bichik, 2014. – 288 s.
3. Haritonov P. N. – Ojuku. Sorgu kete5uutje: Ho'oonnor. – D'okuuskaj: Bichik, 2019. – 128 s.
4. Haritonov P. N. – Ojuku. Hobolooh suol. Roman. 1 chaa'a. – D'okuuskaj: Bichik, 1999. – 256 s.; Hobolooh suol. Roman. 2-s kinigje: A5a uonna uol. – D'okuuskaj: Bichik, 2001. – 256 s.; Hobolooh suol. Roman. 3-s kinigje: Kjetje'iiljejeheh kjem. – D'okuuskaj: Bichik, 2006. - 320 s.; Hobolooh suol. Roman. 4-s kinigje: Turuula'yy. – D'okuuskaj: Bichik, 2011. – 448 s. V la'nejshem ssylki na jeti izdanija privodjatsja v tekste s ukazaniem v skobkah toma – rimskimi, stranicy – arabskimi ciframi.

